

Сегодня суббота, и уже после обеда можно было уйти на выходные домой, но, проснувшись, Чу Богуан получил сообщение от Бо Чжэнья.

Хотя оно пришло в общий чат курса и состояло всего из нескольких слов, Чу Богуан резко сел, недоверчиво протер глаза и принялся вчитываться в каждый знак препинания.

— Сегодня день рождения Сяхоу, в семь вечера мы будем праздновать в баре Крестообразная звезда, Чэньгуан приглашает тебя, у тебя будет время?

Увидев слова Чэньгуан приглашает тебя, Чу Богуан немного поник. Но вскоре пришло еще одно сообщение от Бо Чжэнья:

— Кроме того... у меня есть к тебе просьба, так что это можно считать и моим личным приглашением.

Чу Богуан мгновенно встрепнулся. Бо Чжэнья действительно хочет о чем-то его попросить? Хотя он не любил Сяхоу Яня и немного побаивался собственного младшего брата, это же приглашение от самого Чжэнья!

Бо Чжэнья, Бо Чжэнья.

Ах, даже его имя звучит так прекрасно.

Смиренно питая безответную любовь к этому сияющему существу, Чу Богуан был счастлив уже одним этим состоянием, а если удастся хоть немного приблизиться к свету звезды, он будет готов ликовать.

Даже если за такую близость придется заплатить свою цену.

Полным людям трудно подобрать одежду, поэтому гардероб Чу Богуана состоял почти из одних черных футболок. Покопавшись, он решил надеть черную футболку с принтом улыбающегося тортика — вполне уместно.

Он не слишком хорошо знал Сяхоу Яня и даже считал, что у того скверный характер, но приходить на день рождения с пустыми руками было неловко, поэтому он купил большой шоколадный торт.

В семь вечера Чу Богуан прибыл в бар Крестообразная звезда. Казалось, бар был выкуплен целиком — внутри находились только студенты их академии.

Грохотала музыка, слепили огни, на танцполе извивались красивые парни и девушки, а он чувствовал себя лишним.

Это был мир альф и омег, и он, бета, чувствовал себя среди них как голый монстр. Чу Богуан смутно ощущал, что окружающие смотрят на него очень странно.

Проискав полчаса, он не увидел ни Бо Чжэнъя, ни Чу Чэньгуана. Охваченный страхом, он уже собирался уйти, как вдруг его схватил Сяхоу Янь.

— О, глядите, кто пришел! Уродливый братец Чэньгуана.

Разъяренный альфа действовал грубо. Золотая корона именинника давила на густую копну рыжих волос, а капризные черты лица в разноцветных огнях казались особенно свирепыми. От него разило алкоголем, и этот запах, ударивший в лицо Чу Богуану, был крайне неприятен.

Чу Богуан заставил себя сохранять спокойствие:

— Отпусти меня. Я пришел найти Бо Чжэнъя и моего брата.

Стоило ему упомянуть Бо Чжэнъя, как вокруг раздался странный смех.

— Ха-ха, ну надо же...

— Фу, неужели он не видит, как выглядит сам?

— Как же не повезло главе Чэньгуану, это надо же было иметь такого брата, чтобы так не везло целых восемь жизней.

Что это? О чем они говорят?

Чу Богуан запаниковал. Сяхоу Янь, сжимая воротник его футболки, усмехнулся:

— Тьфу, урод всегда натворит бед! Ты, свинья, посмел травить Чэньгуана, распускать о нем слухи! И еще смеешь фантазировать о Бо Чжэнъя? Ты вообще кто такой?

Чу Богуан испугался и воскликнул:

— Я... я этого не делал!

— Не врал он, как же!

Бах!

Сяхоу Янь швырнул его на жесткий пол. Затылок Чу Богуана с глухим стуком ударился о покрытие, в глазах мгновенно поплыло, искры посыпались градом, а очки отлетели в сторону.

Толпа зашумела, расступаясь и освобождая место для Сяхоу Яня.

— Дохлая свинья, все еще огрызаешься?

Сяхоу Янь ударил его кулаком в живот.

Чу Богуану показалось, что все внутренности сместились. От боли лицо стало мертвенно-бледным, он изо всех сил прикрыл уязвимый живот:

— Я правда не... не врал... никого не травил... так больно... умоляю, отпусти меня...

Властная аура альфы, неприкрытая жестокость и насмешливые взгляды окружающих повергли его в глубокий ужас.

Это был настоящий ад, полный причудливых кошмаров.

Сяхоу Янь сжал его горло и прорычал:

— Чу Богуан, урод, ты, никчемный бета, даже шнурки за Чэньгуаном завязывать не достоин, понял?

Дыхание перехватило. Он начал задыхаться.

В темных водах преисподней тело Чу Богуана погружалось все глубже, уходя все дальше от света...

Как больно, все тело пронзала невыносимая боль...

Звуки вокруг смешались в невнятный гул, сквозь слезы весь мир казался затуманенным.

— Ха-ха, дохлая свинья, Сяхоу сейчас будто свинью режет.

— Такой уродливый, даже жалко не становится.

— Кто же просил бету быть таким самоуверенным и сметь любить старосту Чжэнья? Поделом ему...

— Ничего не случится?

— Да нет, они же студенты военной академии, знают меру.

Действительно, увидев, что взгляд Чу Богуана стал расфокусированным, Сяхоу Янь разжал пальцы и с размаху влепил ему звонкую пощечину.

Неудивительно, что он использовал методы уличного хулигана. Если бы он применил боевые приемы военной академии, то легко убил бы этого слабого толстяка — разница в физических силах между альфой и бетой была непреодолимой пропастью, а труп — это лишние хлопоты.

Жажда жизни заставила тело судорожно рвануться вверх. Шум вокруг внезапно стал отчетливым. Лицо Чу Богуана горело огнем, он жадно хватал ртом драгоценный воздух, в ушах звенело.

— Дохлая свинья, понял свою вину? — Сяхоу Янь дернул его за воротник.

Слезы в глазах Чу Богуана переполнили край и покатались по щекам.

— Да... я даже шнурки за Чэньгуаном завязывать не достоин... — наконец, закрыв глаза, признал он.

Если он не признается, его будут мучить еще более бесчеловечно.

Слезы текли по подбородку, словно рассыпавшиеся бусины, и падали на грязный пол. Никому не было до этого дела. Он лишь отчаянно повторял:

— Я урод... я дохлая свинья... я дохлая свинья...

— Это ты принес мне в подарок на день рождения?

Сяхоу Янь встал и посмотрел на него сверху вниз.

— Толстяки любят поесть, так съешь его сам.

Хлоп! Он с силой вдарил 12-дюймовый шоколадный торт прямо в лицо Чу Богуану.

Вечеринка достигла своего апогея, вокруг раздались оглушительные восторженные крики.

— С днем рождения тебя... с днем рождения тебя...

Все хлопали, смеялись и пели поздравительную песню. Густой крем и шоколадная крошка превратили плачущее, жалкое лицо Чу Богуана в хаотичную картину. Его волосы, ресницы, воротник — все было измазано приторным кремом, от которого его тошнило.

— Брат! Что с тобой? О боже...

Появился Чу Чэньгуан, держа за руку Бо Чжэнья. Увидев Чу Богуана, лежащего на полу в

грязи и объедках, он нахмурился, а его красивое лицо исказилось от гнева. Задрав острый подбородок, он потребовал ответа:

— Сяхоу Янь, почему ты так издеваешься над моим братом? Он же тебя ничем не задел!

Он был похож на гордую, расцветающую розу. Сяхоу Янь был так очарован его прекрасным, ослепительным лицом, что, боясь расстроить красавца, вытащил заранее подготовленные доказательства:

— Чэньгуан, я творю правосудие. Смотри, это его дневник. Я советую тебе не читать, это слишком мерзко. Бо Чжэнья, ты тоже не смотри, твое там еще отвратительнее.

В момент передачи бумаг Чу Чэньгуан не удержал их, и белые листы, словно мотыльки, разлетелись вокруг Чу Богуана.

Это вовсе не был его дневник. Да, некоторые записи он делал сам, но части, где он завидовал Чу Чэньгуану, проклинал его и строил козни — об этом Чу Богуан даже не догадывался...

А еще части про Бо Чжэнья.

Руки Чу Богуана дрожали, бледные губы мелко подергивались. Там, его собственным почерком, были записаны всякие грязные фантазии о Бо Чжэнья, слова были невыносимо пошлыми и омерзительными.

Это не так! Это не так! Его чувства к Бо Чжэнья были совсем иными...

Он просто очень осторожно любил его, наблюдая издалека. Его любовь к Бо Чжэнья ограничивалась — и он смел ограничивать её лишь этим — смущенно отведенным взглядом, купленным напитком, лишним поручением, скромным подарком...

Он боялся, что его любовь доставит другому неудобство, боялся насмешек окружающих.

Бо Чжэнья слегка наклонился, поднял дневник и под отчаянным взглядом Чу Богуана некоторое время читал. Его профиль был безупречен, одежда — роскошна. Стоя там, он казался единственным в мире совершенством, благородным принцем, путеводной звездой, к которой устремлены все взоры.

С его губ сорвались ледяные слова:

— Пока я не вышел из себя, проваливай.

Чу Богуан поспешно подобрал разбитые очки, но в этот момент начищенный кожаный ботинок наступил ему на руку.

— Знаешь, почему я позвал тебя сегодня?

Чу Богуан поднял голову и увидел свое отражение в его глазах. Клоун в слезах, нищий в лохмотьях.

— Н-не знаю... — он растерянно покачал головой.

Бо Чжэнъя надавил сильнее. Чу Богуан слышал хруст своих костей. Как странно, эта острая боль в пальцах не шла ни в какое сравнение с тем, что творилось в груди, хотя он думал, что сердце уже онемело от боли.

— Пожалуйста, держись от Чэньгуана подальше, — сказал он.

Оказывается, может быть еще больнее.

— Конечно, если такой мерзкий тип о тебе фантазирует, даже самый терпеливый человек не выдержит.

— Этот бета слишком много о себе возомнил, еще хотел поступать в Военную академию Козерога, небось, через связи хотел пролезть.

— Я бы на месте главы Чу давно бросил этого брата-неудачника, его не исправить.

— Глава Чу такой добрый, даже когда тот его подставляет, все равно о нем беспокоится, а тот совсем не ценит.

— От жира у него уже и психика поехала. О, это все уже есть на форуме, настоящий позор.

Насмешки, доносившиеся со всех сторон, вызывали у Чу Богуана тошноту. Он видел презрительную улыбку Сяхоу Яня, обеспокоенный взгляд Чу Чэньгуана и равнодушные, как к неодушевленному предмету, глаза Бо Чжэнъя. Голова закружилась, от головокружения он попытался встать, но снова тяжело рухнул.

— П-простите... простите... я больше не буду... я никогда больше не буду...

Колени и локти были сбиты в кровь, он судорожно пытался подняться. Чу Богуан даже не понимал, за что извиняется.

За то, что посмел безответно любить выдающегося альфу?

За то, что надеялся поступить в университет получше?

За то, что, будучи обычным бетой, неуклюже пытался изменить свою жизнь, похожую на кучу грязи?

— Простите, правда, простите...

Чу Богуан, даже не забрав очки, со слезами бросился бежать.

Да, такой, как он, должен тихо сидеть в темном углу, пока не умрет, чтобы не позориться на людях.

Он хотел просто убраться отсюда. Чу Богуан никогда не бегал так быстро. Без очков он ничего не видел, просто бежал вперед.

БАХ!

На перекрестке, залитом неоновыми огнями, под сияющей улыбкой известного межзвездного кумира, рекламирующего энергетический напиток Лилийский фрукт, его сбила машина.

От удара его тело взлетело в воздух. В полузабытьи он услышал чей-то рев:

— Мать ульев пропала! Скорее найти Мать ульев!

Все тело разрывало на куски, но Чу Богуан был на удивление спокоен.

Умереть вот так. Пожалуй, неплохо.

Он почувствовал, как что-то пронзило его сердце. Это смерть? Как хорошо.

Его потускневшие глаза спокойно закрылись, принимая грядущую смерть.

Если завтра удастся открыть глаза... надеюсь, это будет уже новая жизнь.

<http://bllate.org/book/18567/1787024>